

УДК 165.1
ББК 87.22

Валентин Никонович Карпович,
доктор философских наук, профессор,
Институт философии и права СО РАН
(630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8),
e-mail: kvn@philosophy.nsc.ru

Логика и нормативность

В статье показана взаимосвязь рациональности, нормативности и логики применительно к обоснованию поступков. Нормативность трактуется как долженствование, относящееся к целенаправленной деятельности по реализации ценностных установок. Приводятся различные по смыслу, но логически связанные между собой трактовки нормативности. Выделяются степени нормативности – от сильной, требующей неукоснительного выполнения законов рациональности в любых ситуациях, до слабой, учитывающей контекст действия или сферу деятельности рационального субъекта. Слабый смысл нормативности связан с понятием особого рода мотивации – резонами, субъективно выраженной рациональностью. Показано, что рациональность может быть соотнесена с нормативностью только как система правил для приведения оснований для поступков, а поэтому обоснование нормативности носит инструментальный характер и опирается на философскую предпосылку об упорядоченности мира, постигаемой, в частности, посредством правил логики. Рациональность может считаться нормативной в том смысле, что её правила играют определённую роль в качестве оснований для поступков или воздержания от них. Рассказывается о связи резонов и рациональности, делается вывод о том, что рациональность состоит в учёте логических связей между основаниями поступков и намерениями действовать.

Ключевые слова: рациональность, нормативность, долженствование, закономерность, логика, философские предпосылки.

Valentin Nikonovich Karpovich,
Doctor of Philosophy, Professor,
Institute of Philosophy and Law, SB RAS
(8 Nikolaev St., Novosibirsk, Russia, 630090),
e-mail: shev@philosophy.nsc.ru

Normativity and Logic

The paper shows the relations between rationality, normativity and logic as they are used in giving reasons for actions. Normativity is treated as an imperative for achieving intended (obligatory) aims. The author analyses different but logically related versions of normativity and defines the degrees of normativity – from strong normativity requiring rigorous compliance with the laws of rationality in all situations to weak normativity which takes into account the context or sphere of action of the rational agent. The weak interpretation of normativity is related to a special type of motivation – reasons, subjectively defined rationality. The paper also shows conceptual relations between rationality and normativity, where rationality is treated as a system of logical rules. In this perspective normativity is instrumental and presupposes the philosophical worldview of the existence of an order in the world. Rationality can be considered normative in the sense that its rules serve as grounds for either performing an action or abstaining from it. This allows to consider logic as a means to an end, and normative in this respect for acting toward obligations and intentions.

Keywords: rationality, normativity, obligation, pattern, lawfulness, logic, reason, presuppositions.

Логика и нормы связаны концептуально. С одной стороны, логика опирается на собственные, логические нормы, с другой – не соответствующее нормам поведение или последовательность событий зачастую характеризуются как нелогичные. Часто го-

ворят об особых «логиках»: логике истории, логике событий, логике убеждений, логике норм, в конце концов. Даже в самом узком смысле слово «логика», как классическая формальная логика, состоит из норм, которые должны сохранять истину от посылок к

заклучению. Предмет логики как раз и есть выявление правил, которые нужно соблюдать, чтобы обеспечивать достоверность заключений.

Такая связь логики и нормативности ставит вопрос – почему логика нормативна, а нормативность в каком-то смысле логична, в более общей характеристике – рациональна.

Чтобы говорить о связи логики, нормативности и рациональности поведения и вытекающих отсюда проблемах, необходимо внести некоторую определённую терминологию. Логика в дальнейшем достаточно, но не обязательно понимать, как уже говорилось, в самом узком смысле, соответствующем формальной классической логике. О ней следует говорить, как о науке о правилах (нормах) умозаключений, причём правильными считаются связи по форме, сохраняющие истинность от посылок к заключению. Нормативность состоит в должностовании, в необходимости следовать каким-то правилам. Этот термин в последнее время стал часто употребляться в таком значении в связи с вопросом об основаниях нормативности [4]. Само по себе наличие оснований в этом случае обозначают понятием, более общим по отношению к логике, а именно – рациональностью.

Легко убедиться, что слово «рациональность» многозначно. Экономисты рациональное связывают с эффективностью (рациональное экономическое поведение, например, инвестиция, в отличие от нерационального поведения); философы – с разумом и логикой (например, рациональное познание, в отличие от чувственного). Для философов разумное – по правилам организованное, нечто вроде древнегреческого логоса, и поэтому рациональность трактуется в объективированном смысле. Но может быть ещё субъективный смысл – то, что применимо к ситуации субъекта при общепринятых правилах рассуждений. Возьмём аналогию из правоведения. Как известно, объективное право представляет собой множество принятых норм, а субъективное – это возможность лица осуществить некоторые действия при принятых правилах (нормах). Такие возможности называют ещё субъективными правами рассматриваемого лица. То же самое с рациональностью – нормы рациональности могут предоставлять разные возможности в разных условиях их применения. Частный

случай этой ситуации – разные доказательства одной и той же теоремы в дедуктивных системах. Другой частный случай, уже для содержательных дисциплин, – это согласие принять те или иные нормы как основание для выведения одних фактов из других фактов – это так называемое объяснение через охватывающий закон [7, с. 331–496]. Здесь уже требуется согласие не только с самими нормами (законом), но и признание фактов как соответствующих ситуации, а также применимости нормы к фактам [6, с. 115–116]. Другими словами, актуальными становятся проблемы релевантности как описательной, так нормативной части обоснования.

При анализе соотношения понятий необходимо учитывать, как ни странно, оба эти значения – как объективный, так и субъективный. Здесь важно разное понимание процесса абстракции, сложившиеся в философской терминологии.

Рациональность – термин абстрактный, с этим согласятся все. Но надо отметить, что абстракции бывают разные, в частности, абстракции отождествления и абстракции отвлечения [1, с. 113 и далее]. Одна из возможных трактовок состоит в том, что «рациональность» – термин абстрактный в том смысле, что относится к характеристике, взятой отдельно от вещей. В отличие от этого, прилагательное «рациональный» в этом смысле не абстрактно, поскольку может относиться к наблюдаемым событиям, в частности, к поступкам, в том числе языковым. Дело в том, что зачастую отождествляют абстрактность и общность, а значит, могут сказать, что слово «стол», например, выражает абстрактное понятие. Это сложившееся словоупотребление, поэтому оправданное. Однако философски важен другой смысл абстракции. Буквально это «отвлечение», но вопрос в том, что от чего отвлекается. Философские, умозрительные абстракции отвлекаются от реальных предметов, приписывая при этом предметность содержательной составляющей понятия, т. е. признакам. Героизм, братство, добро и зло – это абстракции именно в этом смысле, и чаще всего философский интерес связан именно с абстракциями такого рода. Даже в обыденной речи отражается существование такой разновидности абстракции, когда разговор, переполненный абстрактными нарицательными именами,

называют беспредметным. На самом деле он предметен, но предмет другой – идеи, а не вещи. Именно к этой разновидности абстракций относится термин «рациональность» для обозначения способности (абстракция отвлечения!) к управляемому разумом (хорошо или плохо) поведению. Принято считать, что рациональность или, что то же самое, рациональное познание (опять абстракция отвлечения!) – общая отличительная черта людей в качестве способности, развитой или нет, но наличной хотя бы потенциально как сущность (или природа) человека.

Есть ещё термин «разумность» – слово, употребляющееся в единственном числе, что и указывает на абстрактность. Известно, что слова «разумность» и «рациональность» сопрягаются чисто лингвистически, ведь *ratio* – это и есть «разум». Но в русском языке есть ещё слово, которое восходит к тому же понятию, но через другие языки – «резон» (основание, мотив). Обратим внимание, что это слово уже конкретное, если согласиться с принятым пониманием абстракции: довод или соображение, которое побуждает нас к какому-то поступку, обосновывает его. На конкретность в этом случае указывает возможность множественного числа: резоны могут быть разные, и их может быть много, или вовсе не быть – нет резонов (мн. ч.), и всё тут! Если использовать приведённый выше пример, то в том же смысле право как совокупность норм – понятие абстрактное (во множественном числе не употребляется), в то время как права лица, из него вытекающие, – конкретны (уже мн. ч.).

Для понимания нормативности важен вопрос о соотношении разума, мотивов (резонов) и рациональности, и последовательность здесь очевидна: резоны оценивают на рациональность, а рациональность связана с нормативностью так же, как и поведение, вытекающее из всех указанных оснований.

Тут и возникает вопрос: как соотносятся рациональность и нормативность, и какую конкретно функцию здесь выполняют мотивы или резоны поведения? Более того, само слово «резоны» предполагает некоторые особые мотивы, как-то связанные с логикой, а значит, с разумностью (рациональностью) как способностью рассуждать.

Рациональность может считаться нормативной в том смысле, что её правила играют определённую роль в качестве ос-

нований для поступков или воздержания от них. Однако тут же возникает вопрос обоснованности и универсальности правил. Чтобы разобраться с этим, нужно понять, какие возможности есть в трактовке самой идеи нормативности. Ясно, что нормативность связана с долженствованием. Однако есть варианты.

Во-первых, возможна сильная трактовка идеи нормативности. Она предполагает, что система правил (норм) должна исполняться всегда и строго, без отступлений. Тогда требования рациональности должны бы неукоснительно исполняться. Пример: нельзя быть противоречивым, утверждать и отрицать одно и то же одновременно и в одном и том же отношении. Простой пример: закон (недопустимости) противоречия в логике.

Второй вариант определения нормативности слабее. Система правил, чтобы считаться нормативной, должна быть основанием для поступков лишь при определённых условиях, в которых может оказаться субъект. В теории права такие условия называются гипотезой нормы. Права и обязанности лица возникают лишь в ситуациях, когда эти условия выполнены. Здесь рациональность становится нормативной лишь в определённых обстоятельствах. Если в качестве примера использовать ранее приводившийся закон противоречия, то в научной среде и научных контекстах, описывающих положение дел, он должен соблюдаться, но, скажем, для художника и мира искусства в целом это не обязательно. В частности, рациональность как система правил может конфликтовать с другими условиями деятельности, например, практическими. Например, моральные требования могут не подчиняться требованию рациональности, особенно в смысле дедуктивной обоснованности. Иллюстрация – так называемая «дилемма заключённого» как пример рационально обоснованного (оптимального) поведения, когда результат зависит от взаимосвязанных решений различных агентов. Выбор в заданных дилеммой условиях здесь рационален, но входит в конфликт с нормой солидарности [3, с. 241, 291–292].

Наконец, нормативность можно трактовать ограниченно, как правила для выбора оснований для поступка конкретного лица в конкретных обстоятельствах. Нормативные правила должны определять этот выбор, и в этом смысле правила обязательны, огра-

ничивают и определяют выбор, являются условием нормативности поступка, совершенного по правильным, достаточным для этого поступка основаниям.

Следует обратить внимание, что последняя из приведённых трактовок нормативности связана с предыдущими – она самая слабая, вытекает из более сильных логически. Здесь начинается совсем простая логика с правилом фальсификации гипотез: если из А и В совместно вытекает С, но при этом следствие, т. е. С, неверно, то что-то не сходится в основании, т. е. в совместимости А и В как условия для С. Таким образом, если система правил не является нормативной в последнем смысле, она не может быть нормативной и в первых двух. Получается, что для отрицания нормативности и рациональности той или иной системы правил, – морали, логики, права, художественного творчества, этикета, – достаточно, чтобы она не удовлетворяла самой слабой трактовке нормативности.

К примеру, мораль, очевидно, нормативна во второй трактовке, а значит, и в третьей – её требования действительно составляют основания для действия. Но возникает проблема с рациональностью. Её требования в этом случае не представляют собой достаточного основания для поступка. На это в своё время обратил внимание Д. Юм, когда писал, что удовлетворение простейшей физиологической потребности может перевесить даже значимость существования Вселенной. «Я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец» [5, с. 458]¹.

Разум как субъективная способность (рациональность в форме резонов) не препятствует совершению поступков, направленных к удовлетворению даже совершенно безумных желаний, необязательно даже физиологически обусловленных. Поразительно, но уничтожить мир ради удовольствия – не обязательно иррациональное предпочтение, у него могут быть свои резоны. При этом ведь очевидно, что Д. Юм считает мораль нормативной, она даёт основания не поступать таким образом. В такой трактовке идея Д. Юма состоит в том,

¹ Надо отметить, пожалуй, что «поцарапать» (причинить болезненные ощущения) здесь не очень уместное слово в русском переводе. Речь идёт о том, что палец чешется, и его хочется почесать. Этого назойливого и сравнительно ничтожного желания достаточно, чтобы пренебречь целым миром – в этом смысл примера Д. Юма.

что именно рациональность оказывается не нормативной, не работает на уровне резонов, поскольку нельзя привести доказательств, что она ограничивает выбор поступков. Философ исходит, как кажется, из того, что можно обосновать что угодно – вот в чём проблема. Об этом же фактически говорят и другие философские аргументы. Например, сходную идею высказывает К. Лоренц, когда утверждает, что разум представляет собой всего лишь инструмент достижения целей, которые ставят нам инстинкты [2].

Понятно, что слабый смысл нормативности связан с понятием особого рода мотивации – резонами, субъективно выраженной рациональностью. Как отмечалось выше, исторические факты, раскрывающие особенности языка, отчасти объясняют сопоставление резонов с рациональностью. Часто дело представляется таким образом, что рациональность лишь правильный учёт резонов в поведении. Такая трактовка рациональности могла бы быть свидетельством о её нормативности. Опять-таки, здесь тоже возможны различные варианты понимания самой идеи связи резонов и рациональности. Во-первых, можно считать, что при наличии резона для поступка рациональность требует совершить его, и кроме этого в представлении о нормативности рациональности больше ничего не входит. Однако есть одно важное обстоятельство, по существу, указанное опять-таки Д. Юмом: в резоны ещё нужно верить, чтобы они стали основаниями для действия. Вот эта вторая трактовка как раз и не поддерживает даже слабой нормативности рациональных правил. Ведь легко можно себе представить, что человек верит в резонные основания для поступка, хотя на самом деле их вовсе и нет. Таким образом, получается, что необходимой связи между нормативностью и правильной реакцией на основания нет.

Чтобы избежать этого возражения, нужно потребовать делать то, во что не веришь, что странно, по крайней мере. Или, наоборот, всякий раз, когда не веришь в приводимые основания, избегать совершать поступок – что тоже на самом деле не очень естественно, если учесть особенности рациональных обоснований для мотивов действий, как они представлены простейшими правилами логики.

На самом деле рациональность состоит в учёте логических связей между осно-

ваниями поступков и намерениями действовать. Некоторые установки являются основаниями для других, чему пример как раз знаменитое правило *modus ponens* (утверждение основания), поскольку в нём большая (закон) и меньшая (факт) посылки заставляют принять следствие. Они образуют основания-мотивы (резоны) для согласия со следствием, поэтому доводы (посылки) и правила логики (в данном случае *modus ponens*) совместно составляют достаточное основание для заключения. Могут быть, безусловно, и другие, не рациональные, не аргументативные основания. Возьмём, однако, только эти, что оправданно в виду предполагаемой связи нормативности и рациональности.

Можно ли использовать аргументативные основания (резоны) для отрицания нормативности рациональности? Для последовательного человека затруднительно, поскольку иррационально отказываться от логически обоснованного заключения при истинных посылках. Однако если человек не принимает посылки, не считает их истинными, всё равно может быть нерационально не учитывать в своём поведении выводов из этих посылок. Можно признавать правильность вывода (демонстрации), но при этом не принимать истинность посылок, а значит, в буквальном смысле не иметь достаточных оснований верить и принимать заключение, и всё-таки при этом их рассматривать как возможные. Знаменитое *non-sequitur* (не следует) вовсе не означает, что невыводимый факт не имеет места. Он просто не доказан. В целях исследования наличных обстоятельств и возможностей поведения при различных ситуациях вполне разумно принять некоторые допущения и сделать гипотетический вывод. Получается, что рациональность состоит в том, чтобы правильно ориентироваться в основаниях поведения, правильно учитывать резоны, когда они состоят из посылок. Принимая посылки и понимая правильность умозаключения, мы *обязаны* принять заключение как основание для поступка и действовать соответственно с ним. Однако остаётся вопрос: следует ли считать правилом поведения согласие с заключением и принятие его как мотива и основания для поступка, если известно, что умозаключение правильно, а посылки истинны? Разумность, т. е. рациональность как способ-

ность, сама по себе не нормативна, нормативны лишь приводимые основания-резоны. Получается, что рациональность определяется только логикой и знанием фактов. Но этого мало для нормативной мотивации, на что и указывал Д. Юм.

Есть, однако, ещё одна возможность обосновать нормативность рациональности. Возможно, она нормативна благодаря практическим последствиям выполнения её правил. Иными словами, возможно, что рациональность нормативна инструментально. Инструментальность означает здесь способ выполнения должного. Должные действия, верования, надежды – существуют. Некоторые поступки являются обязательными либо позитивно, т. е. их нужно совершить (позитивное обязывание), либо негативно, т. е. от них следует воздержаться (негативное обязывание). Этот простой факт может служить объяснением, откуда появляются основания для выполнения рациональных требований. Таким образом, прямых инструментальных аргументов для (слабой) нормативности в отношении рациональности вообще-то нет. Для их наличия требуется обладать разумностью, способностью к рациональному обоснованию. Связь же между разумностью и выполнением рациональных требований (условий) является причинной, а не логической. Разумность как способность представляет собой наилучший способ достижения целей, в частности, выполнения обязательств.

Действительно, допустим, что это так. Тогда получаем, что (1) нужно быть разумным, потому что (2) это способ, инструмент достижения целей. Но тогда нужно на самом деле объяснить, каким образом нормативность передаётся от целей к средствам их достижения. Конечно, часто говорят, что цель оправдывает (обосновывает) средства, однако есть и немало возражений против такого допущения. Для выполнения обязательств нужна рациональность (разумность), но легко видеть из самой формулировки, что последняя является здесь лишь необходимым, но недостаточным условием, и поэтому вовсе не очевидно, что цель будет достигнута только потому, что действующий субъект разумен. Обеспечить требуемую связь между целью и средствами в отдельных случаях может специальная дисциплина – теория принятия решений, однако возможно ли это в общем случае – это большой вопрос.

Добавим теперь к нашим рассуждениям вполне правдоподобную посылку: человек должен обладать разумом как способностью, тем более это даже по названию считается отличительной чертой вида *Homo sapiens*.

Тем самым мы приняли следующее (1) – нужно быть разумным. Теперь нужно показать, что рациональность инструментально полезна в этом мире, поскольку способствует достижению поставленных целей, т. е. как-то обосновать посылку (2).

Для этого продумаем простой мысленный эксперимент. Очевидно, что мир, в котором мы живём, подчиняется определённым законам. Будем считать, что эта его черта окказиональна, несущественна, и могут быть неупорядоченные миры, где всё происходит абсолютно случайно, т. е. невозможно сформулировать законы, которые бы выражали его закономерности, поскольку таковых просто нет.

Допустим теперь, что в таком неупорядоченном мире люди вдруг поведут себя рационально. Кажется очевидным, что в таком мире рационалисты не смогут реализовать должные (и желаемые) цели. Зато иррациональные агенты вполне могут преуспеть, во всяком случае, с большей вероятностью, нежели рациональные. Этот мысленный эксперимент представляет собой косвенное обоснование рационального поведения. На самом деле, можно утверждать, что рациональное поведение является эволюционно стабильной стратегией в упорядоченном мире.

Здесь вступает в силу предположение о том, что именно объясняет эту самую эволюционную стабильность. Самое простое объяснение практичности логики как парадигмы рациональности состоит в том, что она работает, потому что мир упорядочен. Как известно, философы-рационалисты как-то пытались примирить логику и упорядоченность мира – либо согласованностью причинных и логических связей, как у Р. Декарта, либо прямым включением логики в миропорядок (закон достаточного основания с тех пор иногда считают, вслед за Г. Лейбницем, логическим). Г. Гегель вообще полагал логику в основание мира и считал, что всё разумное действительно, а действительное – разумно, т. е. подчиняется законам логики. Однако на самом деле не принципиально, как именно упо-

рядочен мир, пусть даже причинно-следственной связью, не имеющей логического основания. Когда такая связь есть, то уже можно говорить о сохранении истины от посылок к заключению (а это, как известно, предмет исследования логики в самом узком значении слова «логика») и утверждать, что из допущения истинности высказывания о причине будет истинным высказывание о наличии следствия. Такой переход от содержательного отношения к формальному представляет собой не что иное, как условно-категорический силлогизм, или *modus ponens*, где большая посылка представлена материальной импликацией, а меньшая – утверждением основания этой импликации в качестве факта. Этот пример показывает, что во всех случаях применения правил логики к предметным областям предполагается, что соответствующие общие законы, – изменения, причины, познания и т. п. – работают в это предметной области.

Таким образом, эпистемическая характеристика знаний, – их последовательность и логичность, – предполагает онтологическую упорядоченность, а логика – это фундаментальный, наиболее общий способ, средство отображения порядка. Именно поэтому она и считается принципиально философской дисциплиной, несмотря на новые средства и способы изучения логических связей, появившиеся вместе с символической (математической) логикой.

Получается, что рациональность (логика) оказывается источником или условием нормативности в других областях, обязательным условием для достижения целей и реализации ценностных установок.

Таким образом, в основе представлений о нормативности в связи с логикой (рациональностью) лежит существенная философская предпосылка – убежденность в упорядоченности мира. Эта линия рассуждения в истории философии встречается многократно, иногда в спекулятивной форме, иногда в качестве предпосылки применения правил рассуждения. Можно ли по-другому обосновать нормативность и её связь с логикой, остаётся вопросом, поскольку без предположения об упорядоченности мира доказана лишь необходимость, а не достаточность правил рациональности как гарантии выполнения намерений, в частности, к совершению должных или обязательных поступков.

Список литературы

1. Горский Д. П. Вопросы абстракции и образования понятий. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
2. Лоренц К. Агрессия: так называемое зло. М.: Прогресс: Универс, 1994.
3. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.
4. Шевченко А. А. Нормативность: роль, источники и статус // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2010. Т. 8. № 4. С. 28–32.
5. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Сочинения: в 2 т. Т. 1. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1996.
6. Ayer A. Language, Truth and Logic. Harmondsworth: Penguin Books, 1971.
7. Hempel C. Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science. New York: Free Press, 1965.

References

1. Gorskii D. P. Voprosy abstraktsii i obrazovaniya ponyatii. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961.
2. Lorents K. Agressiya: tak nazyvaemoe zlo. M.: Progress: Univers, 1994.
3. Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1995.
4. Shevchenko A. A. Normativnost': rol', istochniki i status // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Filosofiya. 2010. T. 8. № 4. S. 28–32.
5. Yum D. Traktat o chelovecheskoi prirode, ili Popytka primenit' osnovannyi na opyte metod rassuzhdeniya k moral'nym predmetam // Sochineniya: v 2 t. T. 1. Izd. 2-e. M.: Mysl', 1996.
6. Ayer A. Language, Truth and Logic. Harmondsworth: Penguin Books, 1971.
7. Hempel C. Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science. New York: Free Press, 1965.

Статья поступила в редакцию 06.04.2015